

**МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М.В.ЛОМОНОСОВА**

Юридический факультет

На правах рукописи

Г.В. АРЦИШЕВСКИЙ

СЛЕДСТВЕННЫЕ ВЕРСИИ

(Специальность № 120009 - криминалистика)

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Москва - 1973

Работа выполнена на кафедре криминалистики юридического факультета МГУ.

Научный руководитель - доктор юридических наук

В. Я. Колдин.

Официальные оппоненты:

1. Доктор юридических наук **Б. Е. Богданов.**

2. Кандидат юридических наук, доцент **Э. Ф. Куцова.**

Оппонирующая организация - Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.

Автореферат разослан « » марта 1973 г.

Защита диссертации состоится « » апреля 1973 г. на заседании уголовно-правовой секции Совета юридического факультета МГУ.

Москва, ул. Герцена, 11, 2-й этаж.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки юридического факультета МГУ.

Ученый секретарь совета,
доктор юридических наук
профессор

Г. В. Барабашев

XXIV съезд КПСС, определяя основные направления социально-политического развития советского общества на предстоящий период, в числе важнейших задач поставил задачу дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка в стране, усиления борьбы с преступностью, улучшения деятельности милиции, прокуратуры, судов¹.

Выполнение этих директив предполагает повышение уровня работы органов предварительного расследования, на которых законом непосредственно возложена обязанность раскрытия каждого преступления, т. е. установления лиц, виновных в его совершении. Быстрое и полное раскрытие преступлений является необходимым условием осуществления правосудия по уголовным делам. Законность, обоснованность и стабильность судебного приговора зависит главным образом от качества проведенного по делу предварительного расследования. Раскрытие преступлений является также решающим профилактическим фактором.

Широко известно указание В. И. Ленина о предупредительном значении неотвратимости наказания за совершенное преступление. Развивая эту ленинскую идею, Генеральный Прокурор СССР Р. А. Руденко подчеркнул, что «успешно бороться с преступностью - это значит прежде всего полностью раскрывать каждое преступление, чтобы ни одно из них не осталось нераскрытым, ни один преступник не избежал наказания, чтобы никому другому nepовaдно было. В этом заключается существо неотвратимости наказания - обязательное условие искоренения преступности»².

Совершенствование следственного мастерства и улучшение раскрываемости преступлений возможны лишь при условии самого широкого использования в следственной работе тактических и научно-технических методов, приемов и средств криминалистики - специальной науки о раскрытии преступлений. К числу важнейших тактических методов расследования, разрабатываемых криминалистикой, относится выдвижение и проверка следственных версий³.

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», Издательство политической литературы, Москва, 1971 г., стр. 80-81, 204.

² Р. А. Руденко, «Ленинские идеи социалистической законности и принципы организации и деятельности советской прокуратуры», сборник «На страже советских законов», Юридическая литература, Москва, 1972 г. стр. 39.

³ Помимо следственных, в криминалистике и уголовном процессе выделяют версии розыскные, судебные, экспертные. Каждая из этих версий, будучи логически однородна следственной, обладает специфическими особенностями. В диссертации они специально не рассматриваются.

Следственная версия (или версия расследования) относится к числу основных и наиболее сложных понятий в теории криминалистики. Это определяется «стратегической» ролью версий в расследовании, их познавательной природой, проявляющейся в специальной области общественной деятельности - в следствии. В качестве объекта изучения следственная версия находится «на стыке» ряда наук, в том числе философии, логики, уголовного и уголовно-процессуального права, криминалистики.

Многие принципиальные вопросы о сущности версий, их месте в расследовании и науке криминалистике, о правилах их применения рассмотрены в работах С. А. Голунского, А. Н. Васильева, А. И. Винберга, О. В. Никренц, Г. Н. Александрова, Р. С. Белкина, И. М. Лузгина, А. М. Ларина, А. Р. Ратинова, А. А. Старченко и других авторов. Однако разработка этой проблемы и в настоящее время не может быть признана завершенной.

Можно отметить, в частности, преимущественно ретроспективный характер исследования понятия версии в правовой литературе, при котором определение понятия, классификация версий и другие вопросы рассматриваются чаще с позиций законченного расследованием, раскрытого преступления, в отрыве от методики выдвижения версий, т. е. с позиций готового знания.

Между тем не меньшую, если не большую ценность представляет изучение самого процесса раскрытия преступления с использованием версий, т. е. перспективное направление исследования. Именно под этим углом зрения автор в предлагаемой работе и пытался рассмотреть основные вопросы проблемы с тем, чтобы метод выдвижения и проверки версий еще более эффективно служил делу раскрытия уголовных преступлений.

Диссертация имеет объем 162 страницы машинописного текста и состоит из введения, трех глав и заключения. При написании диссертации использованы решения XXIV съезда КПСС, работы основоположников марксизма-ленинизма, нормативные материалы, философская и специальная юридическая литература, опубликованная следственная практика и следственная практика прокуратуры Московской области, личный 20-летний следственный и прокурорский опыт автора.

К диссертации приложен список цитируемой литературы из 133 источников.

Во введении обосновывается выбор темы диссертации, актуальность темы.

Первая глава названа «Понятие версии. Определение. Соотношение со смежными понятиями». Расследование уголовного дела здесь прежде всего рассматривается как разновидность практического познания, осуществляемого в специальной области социальной жизни-сфере борьбы с уголовной преступностью.

В качестве разновидности всеобщего познавательного процесса судебное познание базируется на общей методологической основе - диалектической логике, ее основных закономерностях и категориях. В то же время специальная сфера применения судебного познания определяет своеобразие форм проявления философских категорий в уголовном судопроизводстве, и в этом смысле можно говорить о наличии следственного мышления, логики следствия.

Известно, что зависимости от конкретного предмета, аспекта исследования на передний план обычно выдвигается та группа философских категорий, которой соответствуют основные понятия рассматриваемого объекта. Проблема следственной версии позволяет выявить особенности проявления в судебном познании в первую очередь таких важнейших категорий, как категории факта, чувственного и рационального, целого и части и связанного с ними принципа системности в подходе к изучаемым явлениям, категории абстрактного и конкретного, истины, практики, а также таких методов логического исследования, как анализ и синтез, абстракция, гипотеза и другие.

В работе делается попытка проследить конкретные формы проявления названных категорий и понятий применительно к версиям расследования.

Отмечая, в частности, многозначность слова «факт», автор исходит из того, что факт, как познавательная категория, есть форма достоверного знания, достигнутого в процессе человеческой практики. Факты являются точками опоры мысли, прокладывающей себе путь к истине через сменяющие друг друга предположения. Сведения из установленных законом источников о фактах, относящихся к делу, именуются судебными доказательствами.

Живое созерцание и мышление у современного человека нераздельны, слиты в органическое единство при любом конкретном акте познания и одно без другого не существуют. Чувства пронизаны мышлением, т. к. свои ощущения человек выражает понятиями. С другой стороны, мышление - даже самое отвлеченное - имеет чувственную основу и не может обойтись без опытной, практической проверки своих выводов.

Эти положения диалектической логики позволяют правильно решить вопрос о моменте выдвижения версий по делу, о соотношении чувственного и логического при установлении следователем соответствующих фактов. Трудно согласиться с мнением авторов, которые считают возможным отнести все или часть следственных действий исключительно к эмпирическому уровню познания, либо рассматривают оценку доказательств отдельно на эмпирическом и отдельно на логическом уровне, либо вообще исключают определенные формы мышления (версию) из сферы доказывания.

Философские категории целого и части применительно к следственным версиям служат, во-первых, теоретической основой для различения взаимосвязанных, но качественно отличных друг от друга целостных, «системных» и частных предположений, выдвигаемых следователем. Во-вторых, названные категории являются методологической базой для всех видов обобщений судебно-следственной практики, для разработки всех тактических (включая выдвижение версий) и методических приемов расследования, поскольку обязывают видеть в каждом конкретном преступлении, обстоятельствах его совершения и способах расследования не только специфические, свойственные лишь ему, индивидуальные признаки, но и общие черты, свойственные каждому конкретному преступлению как части более широких явлений: любое конкретное преступление, будучи целостностью по отношению к составляющим его компонентам (обстоятельствам, «следам»), в то же время в качестве единичного является составной частью особенного (данной категории преступлений) и общего (все преступления). В расследовании каждого преступления, как и в самом преступлении, следовательно, необходимо различать в равной мере общие и особенные черты, индивидуальные и «системные» признаки.

При рассмотрении категорий абстрактного и конкретного, истины, автор приходит к выводу, что следователем и судом по делу может и должна быть достигнута объективная, абсолютная истина.

В работе оспаривается точка зрения В. М. Шванкова, по мнению которого в судебном познании мысль следователя (судьи) движется не от явления к сущности, как это имеет место в науке, а от познанной сущности к явлению этой сущности (от установленных законом признаков преступления к данному преступлению)¹.

¹ В. М. Шванков, «Гносеология и судебная истина», сборник «Вопросы борьбы с преступностью», 1969 г., № 9, стр. 57.

Применение диалектической логики в следствии, как и в любом ином познании, немыслимо вне приемов, средств и основных законов формальной логики, анализа и синтеза, индукции и дедукции, гипотезы и других.

В работе отмечается огромное познавательное значение гипотетического процесса мышления, которое предположительно объясняет исследуемые факты и явления давая возможность при проверке гипотезы вести целеустремленную работу в определенном направлении. Версия рассматривается автором как разновидность гипотезы в судебном исследовании. Подобно гипотезе, следственная версия представляет собой сложную форму мысли, которую нельзя свести к какой-либо одной логической фигуре. Весь ход расследования дела сопровождается напряженной умственной работой следователя с применением на основе практики всего арсенала логических приемов и средств. Однако все эти логические формы мышления при правильном расследовании, как рамкой, охватываются, обрамляются следственными версиями, определяющими направления и границы расследования.

Специфика версий в процессе расследования дела определяется особенностями судебного познания. Следственную версию от гипотезы отличают следующие признаки:

- процессуальный порядок проверки версии;
- динамичный, поисковый характер, диктуемый необходимостью быстрее найти и изобличить преступника. Задача установления единичного объекта по следам, конкретного виновника по материальным «отпечаткам» и по отражению в сознании людей свойственна только уголовному процессу и криминалистике, а, следовательно, и следственной версии;
- при проверке версии в отличие от гипотезы нередко приходится учитывать возможность активного противодействия заинтересованных лиц;
- содержанием версий является всегда предположение относительно юридически важных обстоятельств дела;
- научная гипотеза может не подтвердиться достигнутым уровнем практики, а при подтверждении приводит чаще к относительной истине. Следственная версия всегда может быть проверена достигнутым уровнем практики, может и должна привести к конкретному знанию об исследуемом событии, непроверяемому в будущем.

Центральное место в первой главе диссертации занимает определение следственной версии.

В правовой литературе распространен взгляд, в соответствии с которым версией называется любое предположение следователя по делу независимо от того, основано ли оно на всей совокупности исходных данных, либо охватывает группу таких сведений, либо даже выдвинуто в отношении единичного обстоятельства, детали события. В соответствии с этим различаются версии «общие», версии «по элементам состава преступления» и версии «частные».

В диссертации версия рассматривается как метод исследования юридической сущности проверяемого события и фактических обстоятельств, определяющих эту сущность.

Следственной версией следует именовать не всякое, но лишь такое предположение следователя, которое является связным, «системным» объяснением **всех** имеющихся сведений применительно к определенному составу (составам) преступления, предмету доказывания. Такое предположение представляет собой способ накопления, систематизации и оценки доказательственного материала **по всему делу в целом**.

В этом состоит качественное отличие следственных версий от любых частных предположений, возникающих у следователя при расследовании и раскрытии преступления.

Это понимание версии обосновывается в работе соображениями методологического, логического и тактического порядка.

Методологически общие и частные предположения следователя являются специфическим проявлением категорий целого и части и связанного с ними принципа системности в судебном познании, причем общие предположения играют роль целого, частные предположения - части этого целого. Общие предположения охватывают всю сумму исходных данных, частные - какое-либо одно или группу данных из той же суммы. Подобно любой целостности, общее предположение качественно отлично от составляющих его частей - частных предположений, хотя и находится с ними в диалектической взаимозависимости. Общие и частные предположения являются, таким образом, разнокачественными понятиями. Представляется неверным обозначать их одним наименованием «следственные версии». Это не соответствует методологической характеристике обоих понятий, находящихся в соотношении целого и части. Целесообразно сохранить

наименование «следственной версии» только за общими предположениями, представляющими собой различные варианты «системных» объяснений реально существующей «системы» объективных обстоятельств проверяемого события.

Признак полного использования исходных данных должен быть признан обязательным признаком следственной версии и в силу логических требований к гипотезе. Необходимым логическим признаком гипотезы в любом познании является способность гипотезы объяснить определенным образом **все** факты, подлежащие исследованию. «Важно, чтобы гипотеза объясняла не часть фактов или явлений, нуждающихся в объяснении, а всю их совокупность»¹. Точно с такой же логической меркой необходимо подходить и к версии как разновидности гипотезы: логическим требованиям, предъявляемым к гипотезе, будут соответствовать только такие предположения следователя, которые связывают воедино определенным образом, одним объяснением (или вариантами единых объяснений) все сведения о проверяемом событии, имеющиеся в руках у следователя.

Наконец, ограничение понятия версии диктуется тактикой следствия. Если называть версией любое предположение следователя по делу, то придется согласиться с тем, что в ходе расследования следователь столкнется с множеством самых различных следственных версий. При таком изобилии версий по каждому уголовному делу, как правильно заметил Г. Н. Александров, «следователь вынужден будет мыслить исключительно только версиями», в результате чего «основное, главное будет скрываться в хаосе равноправных предположений»².

Это искусственно создаваемое изобилие следственных версий затрудняет их единообразную классификацию, осложняет разработку конкретных правил их выдвижения, делает невозможной типизацию исходных данных при выдвижении версий и не соответствует той «стратегической» роли, которую версии имеют в действительности.

В работе следственная версия определяется как предположение следователя в отношении еще не установленных юридически важных обстоятельств исследуемого события, включая направление поиска виновных лиц, представляющее собой максимально широкое обобщение имеющихся сведений и фактов, охватывающее всю их совокупность и направленное на полное раскрытие преступления и изобличение виновных.

¹ «Логика», Госполитиздат, Москва, 1956 г., стр. 211.

² Г. Н. Александров, «Некоторые вопросы теории криминалистической версии», сборник «Вопросы криминалистики», 1962 г., № 3, стр. 14.

В диссертации, далее, приводятся доводы против отождествления следственной версии с «идеальной информационно-логической (вероятностной) моделью», поскольку моделирование тесно связано с математическими методами анализа исследуемых явлений, формализацией знания, тогда как в расследовании дела никакого знакового языка, математических представлений не применяется, следственные версии всегда содержательны.

Предложенное в работе определение понятия следственной версии служит отправной точкой при рассмотрении всех других сторон проблемы.

Выдвижение таких версий по своему познавательному значению должно быть признано самостоятельным этапом мыслительной деятельности следователя. Следственные версии в указанном значении определяют дальнейшее планирование следствия, которое представляет собой в основном планирование проверки выдвинутых версий. Относительная самостоятельность этапа выдвижения версий и разграничение его от этапа плановой проверки имеет, как представляется, определенную гносеологическую основу, т. к. отражает не только связь, но и качественное своеобразие категорий абстрактного и конкретного в судебном познании.

Следственная версия, понимаемая как связное, «системное» объяснение исходных данных, непосредственно и органично связана с такими фундаментальными понятиями уголовного права и уголовного процесса, как состав преступления и предмет доказывания. Эта связь определяется соотношением с уголовным материальным и процессуальным правом всей науки криминалистики как науки юридической, призванной своими методами и средствами содействовать наиболее эффективному применению процессуального закона и, тем самым, осуществлению правосудия по каждому случаю совершенного преступления. Следственная версия всегда представляет собой предположительное объяснение неизвестных обстоятельств именно в рамках конкретного (предполагаемого) состава преступления, в границах предмета доказывания.

Во второй главе диссертации «Построение следственных версий» систематизируются и конкретизируются правила выдвижения версий, а также предлагается типизация исходных данных, определяющих структуру и содержание версий в каждом отдельном случае.

Теоретической основой систематизации и разработки правил выдвижения версий, типизации «исходных» вариантов и версий являются, как указывалось,

диалектические категории целого и части и связанный с ними принцип целостности. В этой связи вряд ли можно согласиться с мнением тех авторов, которые подчеркивают индивидуальность, неповторимость обстоятельств каждого уголовного дела и на этом основании считают невозможной разработку каких-либо правил оперирования с версиями.

К первой группе правил в работе отнесены тактические правила об основаниях и времени выдвижения версий следующего содержания:

- версия должна быть реальной, т. е. «привязанной» к имеющимся сведениям и фактам, а не умозрительной;
- версия может и должна основываться не только на достоверных фактах, но учитывать и непроверенную информацию;
- версия (или система версий) должна объяснить все имеющиеся данные о событии преступления;
- версия не может отбрасываться до проверки противоречащих ей данных;
- версии должны выдвигаться как можно раньше, буквально в ходе осмотра места происшествия.

В диссертации делается вывод о невозможности определить какой-либо обязательный количественный минимум фактов, без которого выдвижение версий не может иметь места. Количество и значение этих фактов и сведений может колебаться в больших пределах - от минимального, при котором нельзя сделать достоверного вывода даже о сущности исследуемого события, до максимального, при котором все существенные обстоятельства дела и личность подозреваемого известны с самого начала.

В работе выражается несогласие с мнением некоторых авторов, полагающих, что версии нередко строятся исключительно на информационном материале оперативно-розыскного порядка, на слухах. Подобные «непроцессуальные» сведения всегда составляют лишь часть имеющихся в распоряжении следователя данных. Автор здесь разделяет точку зрения Н. А. Якубович, считающей, что в основе версии всегда должна лежать какая-то часть достоверно установленных фактов¹.

¹ Н. А. Якубович, автор раздела «Руководства для следователей», Москва, 1971 г., стр. 98.

С вопросом о количестве и характере сведений, на основе которых выдвигается следственная версия, непосредственно связан вопрос о моменте выдвижения версий, вызывающий разноречия в литературе.

Одни авторы полагают, что версии могут выдвигаться только после выполнения первоначальных следственных действий, проверки возникших частных предположений, другие же ориентируют следователей на то, чтобы версии выдвигались с первых шагов расследования.

Представляется, что вопрос о моменте выдвижения версий есть по существу вопрос о соотношении чувственного и рационального в познании. Выдвижение следственных версий является рациональным, логическим моментом познания следователем обстоятельств дела. Поэтому авторы, разделяющие первую точку зрения, допускают метафизический разрыв во времени между чувственным знанием, возникающим у следователя буквально с момента прибытия на место происшествия, и знанием рациональным: и то, и другое познание у современного человека слиты и отдельно друг от друга, «в чистом» виде, не существуют. Познавательная и тактическая роль следственных версий состоит не только в том, что они позволяют **после** осмотра места происшествия, **после** первоначальных допросов и экспертиз определить основные направления работы по раскрытию преступления. Второе, не менее важное познавательное и тактическое их свойство заключается в том, что с помощью версий следователь может - и обязан - обеспечить **самое накопление** фактических сведений о преступлении систематизированно и в максимально полном объеме буквально со стадии осмотра места происшествия.

Ко второй группе правил выдвижения версий в диссертации отнесены тактико-логические правила следующего содержания:

- выдвигаемые версии должны быть сопоставимы;
- по содержанию они должны быть альтернативны;
- выдвинутый ряд сопоставимых альтернативных реальных версий должен быть исчерпывающим.

Перечисленные тактико-логические требования прямо вытекают из логических правил деления понятия, разработанных традиционной логикой и обязательных при всякой научной классификации. Необходимость соблюдения этих правил вызывается тем, что система выдвинутых по делу следственных версий принимает отчетливую логическую форму дизъюнктивного суждения со строгим

делением, в котором следственные версии являются составными частями дизъюнкции.

Признак сопоставимости версий означает, что выдвигаемые по данному делу версии должны быть предположениями **одной степени общности**, одного (максимального) охвата исходных данных, т. е. **соразмерными по объему**. При этом каждая версия по делу должна по-своему объяснять **один и тот же** неизвестный элемент состава преступления, в версиях должны варьироваться объяснения имеющегося комплекса сведений **по одному и тому же основанию**.

Требование альтернативности означает, что выдвигаемые версии по содержанию должны исключать друг друга, не «перекрещиваться».

Логически и тактически важной является также обязанность следователя выдвигать исчерпывающий перечень реальных версий.

Соблюдение названных тактико-логических правил должно с необходимостью привести к тому, что среди исчерпывающего перечня реальных сопоставимых альтернативных версий одна из версий обязательно будет достоверным объяснением искомых обстоятельств.

Третья группа тактических рекомендаций построения версий связана с возможностью типизации исходных данных, определяющих в каждом отдельном случае содержание и структуру версий. Такая типизация имеющихся сведений и связанная с нею классификация версий имеет, как представляется, эвристическое значение, т. к. поможет следователю в условиях любого конкретного дела правильно определить характер исходных данных и, в зависимости от этого, строить версии определенного (применительно к предмету доказывания, составу предполагаемого преступления) содержания, в определенной последовательности.

Типизация исходных данных не противоречит принципу индивидуальности расследования, а находится с ним в диалектической связи: несмотря на все богатство индивидуальных особенностей расследования любого преступления следователь, работая над делом, стремится к одной цели - установлению еще неизвестных обстоятельств предмета доказывания, элементов предполагаемого состава преступления. Таким образом, вне зависимости от специфических черт расследования каждого дела, оно в любой стадии характеризуется определенным объемом имеющихся сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, об элементах состава преступления. Эти различные уровни информации могут быть подвергнуты обобщению, типизации, в рамках которой и реализуются все

индивидуальные особенности обнаружения, фиксации, проверки и оценки доказательств, присущие данному делу.

В этой связи вызывает возражение нередкое в правовой литературе скептическое отношение к так называемым «типичным» версиям, под которыми необоснованно понимаются лишь «типичные» объяснения тех или иных жизненных ситуаций без учета конкретных особенностей рассматриваемого случая.

В диссертации, далее, рассматриваются различные классификации исходных данных, содержащиеся в работах С. А. Голунского, Г. Н. Мудьюгина, Л. А. Сергеева, Н. П. Яблокова и предлагаются следующие 5 типов (вариантов) исходной информации для выдвижения версий, с которыми встречается следователь:

– Вариант № 1. Исходные данные недостаточны для вывода о сущности события, позволяя предполагать как наличие, так и отсутствие преступления. В этом случае выдвигаются версии о сущности события.

– Вариант № 2. Из имеющихся данных известна сущность преступления, неизвестен его мотив, субъект. При этом варианте выдвигаются обычно версии по мотиву преступления.

– Вариант № 3. Из исходных данных известны сущность и мотив преступления, неизвестен субъект. При этом типе выдвигаются версии по субъекту преступления с использованием всех имеющихся о нем сведений.

– Вариант № 4. Исходные данные содержат сведения о сущности и резко характерных обстоятельствах объективной стороны. Выдвигаются версии по субъекту преступления.

– Вариант № 5. Материалы содержат сведения о всех основных обстоятельствах проверяемого события, включая сведения о конкретном виновнике, но эти сведения в той или иной части недостоверны. В этом варианте выдвигаются версии в отношении тех элементов состава, которые требуют проверки.

Представляется, что предложенные пять типов исходных данных охватывают все возможные варианты сведений применительно к элементам состава предполагаемого преступления, попадающие в распоряжение следователя по нераскрытым преступлениям. Каждому типу этих данных соответствуют типичные для него по содержанию и структуре следственные версии. При расследовании конкретного преступления эти «типичные» версии наполняются конкретными

сведениями и фактами, сообщающими версии своеобразие, специфику индивидуальности.

В третьей главе диссертации, озаглавленной «Проверка версии», излагаются вопросы, связанные с планированием проверки версий, переходом от вероятного знания к достоверному в ходе проверки версий, а также с проявлением в расследовании гносеологического критерия практики.

Планирование проверки выдвинутых версий представляет собой мыслительную работу следователя, в которой справедливо выделяют несколько последовательных стадий:

- выведение логических (мысленных) следствий из каждой выдвинутой версии и «следов» этих следствий, которые должны или могут быть обнаружены в том случае, если данная следственная версия соответствует действительности;
- выбор конкретных следственных действий и иных мероприятий, посредством проведения которых можно будет убедиться в существовании или несуществовании выведенных логических следствий и, при необходимости, обеспечить их фиксацию и проверку;
- определение последовательности и сроков проведения запланированных следственных действий, организацию их проведения.

Следствия из выдвинутых версий выводятся по правилам логического вывода, причем эта мыслительная операция принимает логическую форму условного суждения.

Логика доказывания в судебном познании основывается как на достоверных дедуктивных умозаключениях с однозначными, строгими выводами, так и на правдоподобных умозаключениях с многозначными (вероятностными) выводами. Из проверяемой версии следует выводить как необходимые, так и правдоподобные логические следствия. При этом необходимый или вероятный характер логического следствия нельзя смешивать с необходимостью или вероятностью их обнаружения: необходимые следствия не всегда удастся выявить в действительности и наоборот.

Логические следствия, выводимые из версии, могут относиться к обстоятельствам, предшествующим по времени проверяемому событию, либо сопровождающим его, либо относиться к периоду после совершения преступления.

Выводимые следствия относятся чаще всего к обстоятельствам, связанным

с исследуемым событием причинно-следственной (казуальной) зависимостью, причем само преступное событие может занимать место в начале, середине или в конце соответствующего казуального ряда. Однако нередко в расследовании логические следствия выводятся и в отношении обстоятельств, связанных с событием преступления иной - временной, пространственной связью. В этом отношении автор согласен с позицией А. Н. Васильева, Н. А. Якубович, А. М. Ларина.

В диссертации, далее, приводятся в общем виде тактические рекомендации по выбору следственных действий для проверки версий, а именно: необходимость планировать, как правило, все следственные действия для проверки каждого логического следствия; не расширять без необходимости сбор однотипных материалов для проверки уже установленных фактов; устранять противоречивые сведения посредством максимального использования всех источников доказательств; планировать проведение конкретных следственных действий, а не их общее направление; предусматривать наряду со следственными действиями также оперативно-розыскные направления деятельности органов милиции и привлечение общественности.

В отношении роли и значения оперативно-розыскных действий органов дознания в доказывании в литературе выражались различные мнения.

В диссертации высказывается точка зрения о том, что доказывание в рамках уголовного дела возможно лишь процессуальным путем, в процессуальных формах. Это не значит, что уяснение и познание обстоятельств исследуемого события производится только следователем и только в результате проведенных следственных действий. Сведения об обстоятельствах нераскрытого преступления обнаруживают, собирают и осмысливают многие оперативные работники милиции и прокуратуры и другие лица порой еще до возбуждения дела, а также параллельно проводимым следственным действиям. Однако это есть непроцессуальная, не имеющая доказательственного значения деятельность, роль которой в доказывании и проверке следственных версий аналогична всем другим приемам и средствам криминалистики: она призвана способствовать процессуальной деятельности следователя, содействовать оптимальному применению уголовно-процессуального закона.

Далее в работе рассматривается вопрос о переходе в процессе проверки версии от вероятного к достоверному знанию.

Достоверное знание исследуемых обстоятельств формируется у следова-

теля в период расследования дела, когда он посредством проведения следственных действий собирает, проверяет и оценивает доказательства. Однако само по себе накопление фактического материала не приводит автоматически к превращению вероятного знания в достоверное. Для этого необходим не только активный, но и систематизированный, целеустремленный поиск доказательств, осмысливание и проверка каждого из них в отдельности и всех их в совокупности. Такому поиску как раз и содействуют следственные версии, т. к. обнаружение доказательств, исследование и оценка собранного материала с точки зрения полноты имеющихся данных и их достоверности, как правило, не могут быть произведены в отрыве от выдвинутых по делу следственных версий, их проверки и оценки результатов этой проверки.

Достоверность знания, полученного следователем, должна быть прежде всего содержательной достоверностью, т. е. выводом из диалектического анализа обстоятельств дела и собранных доказательств. Однако поиск, проверка и оценка доказательств по делу не могут быть нелогичными. Они всегда протекают в логической форме понятий, суждений, умозаключений и различных видов логических операций с ними. Одно из важнейших мест среди них занимают версии расследования, в рамках которых обычно протекают все иные логические приемы.

С использованием следственных версий возможны два варианта перехода к достоверному знанию - когда по делу выдвинуты и проверяются все возможные версии и когда проверка всех версий практически затруднена.

Первый случай (выдвижение и проверка всех версий) является, так сказать, классическим вариантом перехода от вероятности к достоверности в расследовании дела. Необходимые условия реализации этого варианта удачно сформулированы М. С. Строговичем¹.

Метод исследования, заключающийся в выдвижении группы альтернативных гипотез (версий), охватывающих предмет со всех сторон, с последующей проверкой этих гипотез (версий) и исключением неподтвердившихся, в философской и юридической литературе иногда называют методом «строгих выводов», поскольку при соблюдении логических требований одна оставшаяся подтвердившаяся версия (гипотеза) будет содержательно и формально достоверной.

Некоторые авторы обратили внимание, однако, на то, что в следственной

¹ М. С. Строгович, «Курс советского уголовного процесса», т. I, Москва, 1968 г., стр. 301.

практике проверка всех выдвинутых по делу версий иногда нереальна¹.

Это не значит, что переход к достоверному знанию в этом случае невозможен. Путь к истине здесь также лежит в содержательном, качественном анализе материалов дела с тем, чтобы выводы следователя были основаны на всестороннем исследовании доказательств во всем их конкретном своеобразии и взаимосвязи с максимальным использованием правил формальной логики, которые в этом случае будут опираться на конкретные факты диалектического анализа обстоятельств дела и содействовать ему. Особое значение в этих случаях, как представляется, имеет обнаружение следователем индивидуально-определенных, неповторимых признаков, «следов» преступления, позволяющих установить единичную, вполне конкретную причину их возникновения и происхождения. В этой связи понятно огромное значение в уголовном процессе криминалистической идентификации как средства индивидуального установления лица или предмета, связанного с расследуемым событием, путем их отождествления, по следам или иным материальным отображениям.

Обнаружение специфических особенностей, индивидуально-определенных «следов» преступления изменяет и логическую форму вывода следователя в отношении искомых обстоятельств дела.

Как известно, подтверждение версии путем обнаружения в реальной действительности выведенных из версии логических следствий имеет логическую форму «незаконного» модуса условно категорического умозаключения - от наличия следствия к наличию основания, который не дает формально необходимого вывода. Поэтому подтверждение любого количества логических следствий данной версии может увеличить ее вероятность, но не сделает ее достоверным знанием. Формально-логических средств познания для достижения истины здесь недостаточно. Необходим содержательный диалектический анализ материала, который единственно может выделить качественно-различное значение формально равных подтвердившихся следствий и оценить их как специфические, индивидуально-определенные. В результате такого анализа и оценки изменяется характер логической связи между следствием и основанием умозаключения: эта связь из условной превращается в эквивалентную, а сама версия вместо условного умозаключения принимает логическую форму выделяющего суждения, в котором вывод от наличия следствия к наличию основания (и наоборот) может быть формально достоверным.

¹ А. А. Старченко, «Логика в судебном исследовании», Госюриздтг, Москва, 1958 г., стр. 180-206.

Так диалектический анализ доказательств по делу реализуется посредством метода выдвижения и проверкой версий и дополняет этот метод.

Проверка выдвинутых по делу версий методологически осуществляется путем их проверки практикой. В этой связи в работе рассматриваются конкретные формы проявления в судебном познании гносеологической категории практики.

В следствии, как и в иных сферах человеческой деятельности, критерий практики должен носить прежде всего чувственно-предметный характер: непосредственному восприятию следователя доступны многие материальные последствия и условия, орудия и средства совершения преступления. Поэтому следователь должен проверять выдвинутые версии и предположения по возможности непосредственным обращением к действительности. Автор не может согласиться с мнением М. С. Строговича, полагающего, что диалектическая категория практики выступает в уголовном процессе лишь опосредствованно, в обобщенном виде¹.

Разумеется, непосредственное обращение к предметному миру не является единственной формой практической проверки версий: критерий практики широко применяется в следствии в опосредствованном виде.

Соглашаясь с И. М. Лузгиным, который правильно выделил непосредственную и опосредствованную формы критерия практики в расследовании и при этом детально конкретизировал его опосредствованные формы², автор счел возможным отнести к непосредственным формам практической проверки обстоятельств дела те следственные действия, в ходе которых следователь лично обращается к чувственно-предметному миру, а именно: различные виды следственных осмотров; освидетельствования; обыски; выемки; опознания; следственные эксперименты; экспертизы вещественных доказательств.

К опосредствованным формам реализации критерия практики в расследовании относятся: личный жизненный и профессиональный опыт следователя и других людей; знание следователем научных рекомендаций криминалистики и, через них, использование в следствии достижений «широкой науки и техники»; знание нормативного материала; овладение научной методологией; овладение

¹ М. С. Строгович, «Курс советского уголовного процесса», т. I, Москва, 1968 г., стр. 341-342.

² И. М. Лузгин, «Расследование как процесс познания», Высшая школа МВД СССР, Москва, 1969 г., стр. 176.

формально-логическим аппаратом мышления; использование социальной практики коммунистического строительства в нашей стране, определяющего политическое содержание и партийность всей деятельности следователя.

Само событие преступления в целом, как поступок конкретного лица (лиц) в прошлом, следователем не может быть воспринято непосредственно, чувственным образом. Поэтому познание существенных обстоятельств события протекает в целом как логический, опосредствованный процесс. Но этот опосредствованный в целом процесс познания имеет чувственную основу, изобилует непосредственными, чувственно-предметными элементами. Этот логический процесс постоянно корректируется практикой в формах непосредственного обращения к действительности, тесно переплетающихся с опосредствованными формами критерия практики, позволяющих в совокупности надежно устанавливать достоверность доказательств и являющихся объективным критерием истины при проверке и оценке выдвинутых по делу следственных версий.

В заключении коротко излагаются основные выводы по рассмотренным в диссертации вопросам.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Актуальные проблемы советской криминалистики - «Вестник Московского Университета», 1961 г., № 4, стр. 68-72.
2. К вопросу о предмете криминалистической тактики - «Известия высших учебных заведений. Правоведение», Издательство Ленинградского Университета, 1963 г., № 3, стр. 99-108.
3. Понятие версии расследования - Сборник «Вопросы криминалистики», 1963 г., № 6-7, стр. 15-23.
4. К вопросу о следственных версиях - статья принята к публикации редакцией сборника «Вопросы борьбы с преступностью» Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.